

Николай Брешко-Брешковский

**Парижские огни (О. А. Беляева,
Уне Байе, Базиль Захаров)**



Николай Николаевич Брешко- Брешковский

Парижские огни (О. А. Беляева, Уне Байе, Базиль Захаров)

«Несколько лет тому назад Морис Декобра, романист, переведенный на десятки языков, и с удовольствием зовущий себя «Морисом Анатольевичем», сделал мне большую любезность, познакомив меня со своим издателем Бодиньером.

В ответ я пригласил Мориса Анатольевича позавтракать со мною в «Ренессансе», что на плас Альма...»

**Николай Брешко-
Брешковский
Парижские огни (О. А.
Беляева, Уне Байе, Базиль
Захаров)**

Несколько лет тому назад Морис Декобра, романист, переведенный на десятки языков, и с удовольствием зовущий себя «Морисом Анатольевичем», сделал мне большую любезность, познакомив меня со своим издателем Бодиньером.

В ответ я пригласил Мориса Анатольевича позавтракать со мною в «Ренессансе», что на плас Альма...

Внезапно телефонный звонок:

– Говорит Декобра... Вы разрешите мне приехать вместе с дамой?

– Буду очень рад...

Через несколько минут, – Декобра живет в двух шагах от площади Альма, – появляется он, бритый, со скептической улыбкой на тонких губах, и вместе с ним, молодая, лет тридцати, блондинка... оказавшаяся Ольгой Александровной Беляевой.

Теперь, спустя годы, все газеты и все люди кричат о счастливцах – булочниках, парикмахерах, угольщиках – выигравших в Национальную Лотерею до пяти миллионов франков.

До чего бледнеют эти колоссальные выигрыши, с ясного неба упавшие, по сравнению со сказочными карьерами кое-кого из нашей отечественной эмиграции.

Возьмем упомянутую Ольгу Беляеву.

Жена армейского офицера, вернее вдова, – он погиб то-ли на Перекопе, то-ли еще раньше, под Царицыным...

Женщина очутилась на чужбине, в бедности и «без языков», – она потом овладела ими. Внешность: женщина, как женщина, особенно среди букета международных красавиц Парижа, Берлина, Лондона...

Но, увлекается ею германский финансист Гольдсмит, банкир масштаба Варбургов, Стиннесов, Мендельсонов, Блейхредеров...

У Беляевой – особняк в Берлине, особняк в Париже. В своих бриллиантах она производит впечатление закованной в волшебную сверкающую кирассу...

Несколько лет головокружительного богатства и таких же головокружительных прихотей. Но звезде банкира Гольдсмита не суждено было сиять вечно.

Гитлер, еще из «Коричневого Дома» в Мюн-

хене, грозил: – «В тот день, когда я приду к власти – я повешу Гольдсмита!»

Но, банкир, оказался весьма предусмотрительным. В тот день, когда фюрер взял в руки власть, Гольдсмит находился за пределами досягаемости, – в Швейцарии... Он унес свою голову, но не унес своих миллионов.

Беляева веселится, посещает модные курорты, в «монденных» журналах появляются ее «купальные» портреты с заголовком: «княгиня де-Беляев»...

А через некоторое время – новые аллегорические «пять миллионов».

Ольга Александровна совсем недавно обвенчалась по православному обряду с американцем Мультином... по сравнению с которым Гольдсмит, даже в пору своему расцвета, мог показаться почти бедняком...

Во Франции Мультину принадлежит замок ни по архитектуре, ни по роскоши не уступающий Версальскому дворцу.

2

Мы только что привели любопытный образчик феноменального везения. А вот – пример такой-же феноменальной незадачливости

сти.

В Париже продолжает блистать и своей красотой и своим громким титулом графиня Людмила Воронцова – Дашкова, вдова лейб-гусара, невестка «вице-короля» Кавказа...

Лет 8 тому назад эта обаятельная женщина была помолвлена с нефтяным королем сэром Генри Деттердинг, который был без ума от нея. Предстоящий брак уже выросал в событие большой политической важности, а посему и были пущены в ход большие интриги, дабы разстроить его.

Интриги имели успех и Деттердинг с решимостью отчаяния, женился на, разведенной им госпоже Багратуни...

За первой, такой фатальной неудачей, спустя восемь лет не замедлила последовать и вторая.

Подруга Воронцовой, ставшая крупной помещицей в американской Флориде настойчиво и упорно вызывала к себе графиню.

«Приезжай! Твои портреты не дают покоя американцу – миллиардеру. Он и сам интересен, помимо своих миллионов»...

Избалованная, привыкшая к тому, чтоб все

к ней шло безо всякаго труда и усилий с ея стороны, Воронцова не спешила во Флориду...

И вновь, как и в эпоху сватовства Детгердинга, другая женщина вырвала у нея обывательски выражаясь «из под носа» архимиллионера.

Эта другая, – Ольга Беляева, а архимиллионер – Мультон, поднесший своей молодой супруги «Версальский дворец и Версальские фонтаны»...

3

«Литво, Литво, ойчизна моя»...

Так писал Мицкевич. И не только писал, а всем сердцем переживал немного суровья, северная красота своей равнинной родины, бегущей вдоль берегов широкаго полноводнаго Немана.

Пламенной литовской патриоткой является, живущая в Париже талантливая драматическая артистка Унэ Бей.

И ее, эту изящную хрупкую женщину, как и Мицкевича, пленяет нагорный берег Немана, в окрестностях Ковно, с песчаными обрывами и с вечно шумящим лесом гигантских корабельных сосен...

Артистическое имя свое Унэ Бей сделала в Америке, где ее гастроли, – она играла на английском языке, – имели успех исключительный.

Театральная хроника называла ее литовской «Дузе». И так же, как Дузе, всей творческой душой своею отдавалась она исполняемым ролям, иногда под занавес падая в самый настоящей реальный обморок, уносимая со сцены в уборную своими коллегами по пьесе...

Небольшой салон этой замечательной артистки в Париже, популярен в артистических и литературных кругах.

Из русских вы можете встретить в нем: поэта Бальмонта, драматурга Сургучева, режиссера Евреинова, кино-артистку Веру Барановскую, этр-ал-сцен Комиссаржевскаго и многих других.

Все художественно, все съ большим вкусом, в этом салоне. На стенках – несколько портретов Унэ Бей, исполненных парижской знаменитостью, армянским художником Качадурьяном. Один из них, такой весенний, напоенный солнцем, напоминает по компо-

зиции прерафаэлитския картины Фра Бэато Анджелико...

Желая популяризовать в международных и русских кругах родную литовскую поэзию, Унэ Бей лучшие классические образцы ее издала по французски и по русски в превосходном переводе Константина Бальмонта.

Значительно раньше, Унэ Бей издала изысканным томиком стихотворения своего брата, выдающегося литовского поэта.

Не чужд искусства и супруг талантливой артистки, занимающий видное положение в кинематографическом мире Парижа. Этот симпатичный образованный человек – тоже литовец, получивший воспитание и образование в Америке. По профессии он инженер, прославленный в специальных кругах строитель и изобретатель.

4

В Париже снова прошел слух о смерти Базиля Захарова...

Как и все предыдущие, он оказался тоже «преждевременным.»

Правда, престарелый баронет, уже давно удалившись от жизненной сутолоки, корота-

ет свои дни в шезлонге, на террасе своего замка, только изредка позволяя себе десятиминутную прогулку по дорожкам парка. Правда, ежедневное меню его не блещет разнообразием, заключааясь, главным образом, в рисовой каше... Но, все-же, он жив...

Тем не менее, многочисленные секретаря его все меньше и меньше начинают считаться с его личностью, подчас просто игнорируя его желания и намерения... Для них он уже умер, так сказать...

Недель шесть тому назад, я писал в «Парижских Огнях» о прискорбном случае с картиной одного русского эмигранта...

Когда номер журнала «Для Вас» прибыл в Париж, упомянутый офицер не замедлил вырезать из него, заметку, касающуюся Захарова и картины, и послал ее на личное имя сэра Базиля в его особняк на авеню Ош... в заказном письме.

Пока что – ни ответа, ни привета...

Письмо это, равно как и все предыдущия, равно как и сама акварель, несомненно не дошли до умирающего «Короля Пулеметов», а ловкое окружение архимиллиардера надеет-

ся путем молчания погасить «историю»...

Кроме того, секретариат Захарова настолько привык ко всему, пишущемуся в международной прессе о «некоронованном король», что не придает статьям и заметкам никакого значения и, во всяком случае, никогда не доводит их до сведения своего патрона...

Увидеть же его лично – вообще, невозможно! Десятки слуг, детективов и стражников охраняют покой и безмятежность старика. Единственным исключением из правила – лицом, имеющим к нему доступ без доклада является его личный друг и соотечественник, Венизелос...

5

Прилетели в Париж и улетели советские летчики.

Начальство отпускало их в город, реже в одиночку, чаще целыми группами.

Скромная форма напоминает чехословацкую.

Есть выправка, но какая-то «унтер-офицерская».

Все производят впечатление полу-интеллигентов. Никто не говорит по-французски.

Да оно, может быть, и лучше для «властей придержащих»: по крайней мере не разболтаются с иностранцами.

По прибытии в Париж, каждый летчик получил штатский костюм и сто франков «на мелкие расходы». Как прислуге, отпущенной в город «повеселиться»...

Где-то, на Больших бульварах, один русский шофер вспугнут был окриком:

– Митя... здравствуй...

Перед ним – советский летчик.

Оказались друзьями детства и однокашниками начальной школы.

Очутились в кафэ.

Летчик поражен был зрелищем корзины с целою горою сдобных булочек.

– Батюшки!.. Белый хлеб!.. Без карточек! Неужели, можно брать, сколько хочешь?!..

– Можно, – с улыбкою отвечает шофер.

Разговорились.

«Белый» друг детства спросил:

– Как же вас все-таки отпустили?... А если кто-нибудь из вас пожелает променять «советский рай» на «гниющий Запад».

В ответ собеседник покачал головой:

– Друг мой, это невозможно... Все наши близкие остались заложниками, включительно до моих маленьких детей... Родители некоторых, на все время нашего полета, заключены в тюрьму.

– Так же будет и в случае войны?

– Конечно... Тогда нас скрутят еще суровее!

– Ну, а скажи: техническая мощь вашего воздушного флота, правда, или блефф?...

Летчик отвел взгляд в сторону:

– На это я тебе не имею права ответить...

Мата д'Ор.